

Дальние родственники

ПРОГУЛКИ ПО ЯРОСЛАВЛЮ

Недавно я провела целый вечер за удивительным занятием. В тесной квартирке на улице Панина мне показывали фотографии старого Ярославля, сделанные на стекле. Снимки были не простые, а стереоскопические. Их нужно было рассматривать, глядя, как в бинокль, в маленький ящичек. Он блестел полированным деревом и благородной медью, руки хозяина бережно доставали одну стеклянную пластинку за другой из коробочек, испещрённых надписями на французском, и от всего этого веяло почему-то Жюль Верном.

Французское изобретение до сих пор обеспечивает потрясающее качество изображения. Усиленное стереоскопическим эффектом, оно создаёт иллюзию полного погружения в давно прошедшее время. Доступный нам компьютерный вариант превращает всё это в обычную фотографию, иногда даже не очень чёткую, но, к сожалению, это единственный способ познакомиться со столь необычным образом наших читателей.

Оно хранится в семье Мильто. Точнее, у младшего члена этой семьи Андрея Юрьевича. Он фотограф и оператор, снимки интересуют его прежде всего с точки зрения техники, он относится к ним очень бережно, даже трепетно, благодаря чему они и сохранились. Их очень много – около 150. Все они сделаны в Ярославле в начале 1900-х годов. Андрею любопытно узнавать на них знакомые улицы, разглядывать обстановку жилых комнат, сохранившую мельчайшие подробности быта. Но кто эти мужчины в сюртуках и дамы в шляпах – в это он, честно говоря, никогда не вникал. Какие-то дальние родственники мамы, и всё.

Маме Андрея Ирине Николаевне Мильто 81 год. Вместе с ней в тот вечер сидела на диванчике её сестра Вера Николаевна, которая ещё на несколько лет старше. Девичьи фамилии обеих Румянцевы. Их прадед Пётр Румянцев, по семейному преданию, мостил Красную пло-

Для нашего рассказа интересен, впрочем, не он, а его сестра Варвара Яковлевна Румянцева.

Для моих собеседниц, сидящих на диванчике, она родная тётка, а для нашей истории со стереофотографиями – ключевая фигура. Обычное дело: при-

Фото Анны СОЛОВЬЕВОЙ.

щадь в Москве. Дед Яков Петрович – тоже из крепостных. Отец Николай Яковлевич вышел в механики по швейным машинкам «Зингер» – фирма гремела тогда по всей России, создавались, говоря современным языком, сервисные центры по их обслуживанию, сотрудников которых обучали на специальных курсах. Судя по фотографии (не на стекле, а обычной), где Николай Яковлевич снят с целой группой людей с машинками «Зингер», он, видимо, тоже окончил такие курсы.

шло время, и Варвара Яковлевна вышла замуж. Её избранником оказался Борис Владимирович Несытов – так она вошла в довольно известную в те годы и после ярославскую семью.

Глава семьи – Владимир Иванович Несытов был присяжным поверенным. У него несколько дочерей и сыновей. В их числе уже упомянутый Борис Владимирович, служивший на какой-то скромной должности, и Георгий Владимирович, в будущем известный хирург, который проработал большую часть жизни в боль-

нице имени Семашко, в том числе главным врачом, и умер в 1950-х годах. В молодости, не исключено, что ещё студентом, Георгий увлёкся фотографией, стереоснимки сделаны им, а потом перешли к брату Борису. Вот таким довольно длинным путем «от дяди Бори» они и попали через много лет к родственникам его жены – Мильто.

Нетрудно догадаться, что фотографии на стекле представляют собой семейный альбом Несытовых. Точнее, фотохронику семьи: снимки не ста-

тичные, а очень живые, люди на них держатся естественно и свободно, что явно опережает распространённую в 1900-х годах фотографическую моду и тем самым представляет сейчас особую прелесть.

И ещё на них очень хорошо виден Ярославль тех же 1900-х годов. Причем тоже не парадный, не позирующий для очередной открытки, а обычный, живущий своей повседневной жизнью, и заглянуть в эту жизнь, как в щёлочку, очень интересно.

Семья жила на Которосльской набережной, 24, двухэтажный дом между гостиницей «Юбилейная» и Консistorией сохранился. В документах комитета историко-культурного наследия он так и значится – «дом Несытовых». О былом, правда, сейчас мало что напоминает. Дом обветшал и давно требует реставрации или по крайней мере хорошего ремонта. Долгие годы он отличался великолепным кованым балконом – фрагменты его видны на некоторых фотографиях, но балкон давно разобран.

Многие снимки сделаны вблизи от дома. На одном – солдаты с ружьями, вольным строем спускающиеся с крутого берега к реке. Марш-бросок Фангорийского полка, казармы которого были у церкви Николы Мокрого? Маневры? Или передвижение войск, как-то связанные с событиями 1905 года?

Сотрудница комитета истории культурного наследия Марина Владимировна Осипова между прочим заметила:

– Был ещё в те же 1900-е годы такой скульптор – Несытов. Умер совсем молодым. Нескольких его работ есть в нашем художественном музее. Позвоните!

Господи, ну конечно! Я с самого начала чувствовала, что вся эта история с фотографиями должна обернуться ещё какими-нибудь сюрпризами.

Звоню в Ярославский художественный музей хранителю скульптуры Наталье Валерьевне Русановой. Есть, отвечает, в фондах четыре такие работы в стиле Родена. Автор – Максимилиан Владимирович Несытов.

– Владимирович! – Не скрываю эмоций я. – Неужели брат Георгий и Бориса?

– Я думаю, вам нужно обратиться к Татьяне Альбертовне Лебедевой, – слышу в трубке голос Русановой. – Она когда-то провела очень интересное исследование по бюсту Эрзы «Женщина в шляпе», который у нас в экспозиции. Этой дамой оказалась одна из Несытовых.

Татьяна ЕГОРОВА.

(Продолжение следует).